

СВЯТАЯ ОТЧИЗНА

Анастасия Герасимова

ПРЕПОДОБНАЯ
ЕВФРОСИНИЯ МОСКОВСКАЯ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2016

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать о преподобной Евфросинии Московской? Думаю, вам больше знакомо имя её супруга — святого благоверного князя Дмитрия Иоанновича Донского, героя Куликовской битвы 1380 года. Между тем современники великокняжеской четы любили и почитали княгиню Евдокию (так звали святую Евфросинию до того, как она стала монахиней) никак не меньше Дмитрия Иоанновича. А отношение к великой княгине как к святой утвердилось в русском народе задолго до её прославления. Надеюсь, что и вы, ребята, услышав рассказ об удивительной жизни преподобной Евфросинии и чудесах, совершаемых доньше по молитве к ней, от всего сердца полюбите эту угодницу Божию. И святая Евфросиния станет вам близкой и родной, несмотря на то, что жила она на земле давным-давно, почти 650 лет назад.

В то время не было ещё на свете страны с названием Россия, а были вместо неё небольшие отдельные области — русские княжества. Управляли этими областями-уделами князья из династии Рюриковичей. Часто воевали они между собою за право называться великим князем Владимирским. Ведь в то далёкое время главным на Руси был город Владимир, а не Москва.

Раздорами русских князей воспользовались жестокие монголо-татары. Огнём и мечом прошли они по нашей земле, подчинили себе все русские княжества, образовали на покорённых землях государство Золотая Орда. А чтобы не дать удельным правителям объединиться и вместе свергнуть монголо-татарское иго, хан Золотой Орды стал выдавать грамоту (ярлык) на великое Владимирское княжение то одному князю, то другому. Это вызывало между ними ещё большие раздоры. И так продолжалось более сотни лет.

Вот и отец Евдокии, суздальский князь Димитрий Константинович, долгие годы вёл борьбу с московским князем Димитрием Иоанновичем. А что из всего этого вышло, вы сейчас и узнаете. Началась наша история в далёком 1366 году...

ЗАМУЖЕСТВО

В тот год зима выдалась весьма суровою. Ещё в ноябре сковали морозы реку Каменку, заставили попрятаться лесных зверей в тёплые убежища. Древний город Суздаль нарядился в одеяния белые и едва поблёскивал на солнце немногими золотыми куполами церквей, что уцелели после очередного набега вражеского. Только на границе с Московским княжеством снега не было — там полыхало красное зарево.

С грустью смотрел на это зарево суздальский князь Димитрий Константинович из окна своего высокого терема. С тревогой ждал он вестей от своих воевод: чем закончилась схватка его дружины с войском князя московского Димитрия Иоанновича? Наконец слуха его достиг топот сапог на лестнице.

— Не вели казнить, князь милостивый! — бухнулся в ноги Димитрию Константиновичу гонец. — Снова москвичи одолели нас! Пожгли пять сёл, крестьян в плен увели. Что делать теперича прикажешь?

— Ступай вон! Да позови мне княгиню немедленно!

Скрылся гонец за дверь, а князь присел на скамью возле стола дубового и стал думать думу крепкую.

Не было для него неожиданностью поражение суздальцев. Давно чувствовал Димитрий Константинович, что отвернулась от него удача, что не получится отвоевать у соперника ярлык на великое княжение, что придётся ему, маститому князю старейшего русского города, смириться перед юнцом безусым, что раз за разом отражает набеги войска суздальского. Теперь зрела в голове князя новая мысль, но о ней надобно посоветоваться прежде всего с супругою.

— Ты звал меня, сокол мой? — родной голос вывел из раздумий Димитрия Константиновича.

— Да, душа моя! Подойди поближе. Видишь зарево там, вдали?

Подошла княгиня к окну и взглянула в направлении, что указал ей муж. Слезы покатались из её глаз.

— Снова князь московский одержал победу. Недалёк тот час, когда выгонит нас из самого Суздаля, — мрачно произнёс князь.

— Так не допусти же этого, свет очей моих! — заломила руки княгиня. — Пойди первым на примирение с Димитрием Иоанновичем!

— Думаешь, легко мне юнцу безусому кланяться? Пощады и милости у него просить?

— Смирись, княже! Полно тешить гордыню свою! Видно, сам Бог на стороне твоего соперника.

— И то верно, Аннушка! — согласился вдруг Димитрий Константинович. — За него сам митрополит Алексей молит-

ся, да во всём наставляет; да угодник Божий, дивный старец, подвизающийся в Радонежских лесах, отец Сергей. Видно, уготовано Москве стать новым сердцем Руси, собрать воедино княжества русские, прекратить брань братоубийственную.

— Верно, сокол мой! — облегчённо вздохнула княгиня. — Наконец открылись очи твои! Полно русским князьям хана татарского тешить своими кровавыми распрями! Если пойдёшь первым на примирение с Димитрием Иоанновичем, добрый пример подашь братьям твоим!

— Но союз новый надобно скрепить надёжною скрепою, — возразил суздальский князь. — Что скажешь, если отдадим мы за Димитрия дочь нашу любимую, Евдокию?

Померкли очи княгини Анны.

— Княже, и не жалко тебе врагу недавнему отдавать чадо своё? Ей всего-то двенадцать лет!

— Жалко, душа моя! Да ничего не поделаешь...

Позвали родители девочку. Пришла Евдокия, стоит перед отцом, словно берёзка стройная перед дубом могучим.

— Готова ль ты, дочь моя любимая, ради отца своего, ради матери, ради всего народа суздальского пойти замуж за князя московского? — спросил Димитрий Константинович.

— Как благословишь, батюшка, — кротко молвила Евдокия, не поднимая глаз.

— Знал я, что не услышу другого ответа от дочери! — улыбнулся князь.

Обнял он за плечи девочку, поцеловал её в высокий лоб.

— погоди ж ты радоваться! — молвила в сердцах княгиня Анна. — Может, князь московский и откажется!

— Не откажется, душа моя, не откажется! Силы-то и его на исходе: то набег литовский, то татарский, а теперь ещё и язва моровая жителей московских косит тысячами. Будет

рад он миру, сердцем чувствую! Да и пошлю я гонца не только к нему, но и к митрополиту Алексию. Коль владыка благословит, князь Димитрий не посмеет ослушаться: не зря ж митрополит его с младенчества воспитывает, столько раз помогал московскому князю удержать за собой великое княжение!

Сникла княгиня. Нечего ей мужу возразить. И у Евдокии на ресницах слезинки дрожат: шутка ли, одной поехать в землю чуждую, выйти замуж за князя грозного, жёгшего сёла и города суздальские, да к тому же которого ни разу она не видела. Но, во всём положившись на волю Божию, решилась княжна исполнить желание отца своего.

Вскоре закипели в Суздале и Москве предсвадебные хлопоты. Не прошло и нескольких месяцев, как повезли Евдокию в Коломну, замуж за князя московского выдавать.

Замирало сердце Евдокии, когда входила она под высокие своды собора белокаменного. Каков он будет, жених её наречённый? Вдруг не приглянется она ему или он ей? Вдруг вся жизнь их будет тяжкою мукою?

С трепетом подошла она к высокому юноше, тот взглянул на неё, сжал в руке своей руку девичью. Залилась густым румянцем Евдокия. Полюбили друг друга жених и невеста с самого первого взгляда.

А народ в Коломне всюю празднует: кончена многолетняя вражда князя московского с князем суздальским!

ДУША В ДУШУ

ного лет прожили Димитрий и Евдокия в счастливом супружестве. Родилось у них восемь сыновей и четыре дочери. Князь московский был старше Евдокии на три года. Отличался он многими добродетелями. Сердце имел доброе и милостивое. Не любил пустых разговоров, уклонялся злых людей, с благоговением слушал Священное Писание. Много заботился он о храмах Божиих и мужественно стоял на страже границ.

Княгиня Евдокия была ему супругой кроткой и ласковой. Во всём была верной помощницей, во многих опасностях охраняла она Димитрия Иоанновича своей любовью и молитвою. И была у них одна душа на двоих, одно сердце.

Свято чтители они своих наставников и молитвенников: митрополита Алексия да игумена Троицкой обители отца

Сергия и племянника его, отца Феодора, игумена московского Симонова монастыря.

ПЕРВЫЕ ГОРЕСТИ

сказках свадьбой испытания заканчиваются, а у Евдокии после замужества они только начинаются. В год, когда обвенчался князь Димитрий со своей невестой, страшный пожар случился в Москве. Море огня охватило улицы города, безжалостно уничтожало дома деревянные, без разбору губило людей великое множество. Стон и плач народа достигал княжеского терема, отзывался болью в сердце юной Евдокии. Всеми силами старалась облегчить она участь погорельцев обездоленных, заботилась о вдовах и сиротах.

Не успел город возродиться из пепла, как новая беда настигла его: в 1368 году огромное войско литовское во главе с князем Ольгердом осадило Москву. Вновь горел столичный град, но защитили кремлёвские стены юного великого князя с юной княгиней и с митрополитом Алексием.

Вся земля Московская тогда подверглась опустошению. Вновь княгиня посвящала дни заботе о страждущих, а ночи — молитве за землю Русскую.

ЗАВЕТНАЯ ЦЕЛЬ

Через четыре года новая скорбь посетила княгиню московскую. Тверской князь Михаил Александрович, видя крайнее ослабление Москвы, решил отнять у Дмитрия Иоанновича ярлык на великое княжение. Нужно князю московскому ехать в столицу Золотой Орды — далёкий город Сарай, вновь выпрашивать у хана милости.

Тяжко Евдокии расставаться с мужем любимым. Дорога до Сарая полна опасностей, при дворе хана у московского князя много недругов. Увидит ли она вновь своего супруга? Вся надежда на милость Божию да на молитвы игумена Сергия и митрополита Алексия. Владыка, несмотря на глубокую старость — было ему тогда уже за восемьдесят лет, — сам провожает до Коломны своего воспитанника.

Много слёз пролила Евдокия за долгие месяцы разлуки, много горячих молитв вознесла ко Господу и Пресвятой Богородице. Какова же была радость княгини, когда вернулся супруг её из Орды живым и невредимым, да ещё не с пустыми руками, а с ярлыком на великое княжение! Вновь Дмитрий Иоаннович — первый среди русских князей. Но не это главное для князя московского. Всею душой стремится он к цели заветной, что внушили наставники святые. В чём заключается она, никому не говорит московский князь. Только любимой жене тёмными вечерами изливает душу свою:

— Доколе будут упрячиться князья русские? Если бы нашёлся человек, пожелавший взять на себя крест мой, неужто я бы не уступил? Но кто, кроме меня, думает об объединении Отечества? Кто думает о том, чтоб покончить с владычеством хана? Вот уж сорок лет прошло, как не было нашествия монголо-татарского. Уж выросло новое поколение, не выдавшее прежних ужасов. Но всё равно робеет русский человек перед самым именем татарина!

— Не печалься, сокол мой! — утешала мужа Евдокия. — Бог видит твои старания! Не один ты думаешь о спасении земли родной. Сколько молятся об этом владыка Алексей да игумен Сергий! И среди русских князей много у тебя верных союзников — вот хотя бы отец мой, суздальский князь Дмитрий Константинович. Даст Бог, и другие князья вконец покорятся. Вот тогда и выйдете против Золотой Орды и все вместе, с помощью Божией, одолеете хана басурманского!

Словно потоки целительного бальзама, лились речи Евдокии на истрадавшееся сердце князя московского. Успокоенный, засыпал он сном крепким, набирался сил для трудов своих праведных.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Наступил 1380 год. Заметно укрепилось Московское княжество к этому времени. Многие удельные князья подчинились Димитрию Иоанновичу, готовы были по первому его зову выставить полки свои для решающей битвы с Ордой.

Знал об этом хан золотоордынский Мамай, чувствовал, что вот-вот поднимется Русь с колен, возьмётся за оружие и сбросит иго ненавистное. И решил Мамай опередить князя московского, огнём и мечом пройти по непокорным княжествам, напомнить Димитрию, кто настоящий хозяин земли Русской.

Пришло для Руси время действовать. Летят гонцы от князя московского во все уделы русские. Помолвившись вместе с женою в храме Михаила Архангела, срочно

собирает князь Димитрий полки и выступает против хана золотоордынского. Вновь провожает его княгиня Евдокия у стен соборов Московского Кремля, вновь крепко обнимает, не сдерживая слёз горьких. Увидит ли ещё она мужа своего любимого?

— Полно, княгиня! — утешает её Димитрий Иоаннович. — Если Бог за нас, кто против нас?

Быстро несёт князя московского его верный конь, но не навстречу врагу грозному, а сначала в обитель уединённую, что затерялась в лесах Радонежских. Тяжело опускается князь Димитрий на колени перед отцом своим духовным, игуменом Сергием, просит его благословения на битву решающую. Старец щедро кропит святою водою русское воинство, осеняет крестом Димитрия Иоанновича:

— Ступай, княже! Господь Бог да будет тебе Помощником и Заступником!

А потом тихо шепчет князю московскому:

— Погубишь супостатов и с честью вернёшься в Отечество своё. Только мужайся, крепись и призывай Бога на помощь!

И позвал игумен Сергей двух иноков, Александра Пересвета и Андрея Ослябю, что в миру были когда-то известными ратниками. И, возложив на них одежды схимнические, отдал в помощь великому князю, промолвив:

— Вот тебе мои воины, а за тебя, государь, поборники!

А монахам Пересвету и Ослябе напоследок сказал:

— Мир вам, братья мои! Пострадайте как добрые воины Христовы!

И всему православному войску даёт старец Христово знамение, мир и благословение.

— Благодарствую, отче! И прошу молитв твоих святых! — молвил князь, поднимаясь с колен и целуя руку праведника.

— Помолюсь, государь! Ступай с Богом!

Ночи напролёт не угасает молитва в келье преподобного Сергия, а в Москве великая княгиня со слезами молится. Оба просят у Господа и Богородицы чудо неслыханное — победу русскому воинству над несокрушимым доселе войском монголо-татар. Много милостыни раздаёт Евдокия бедным и нуждающимся в те дни.

21 сентября (8 сентября по старому стилю), в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, сошлись у реки Дон на поле Куликовом полки русские и татарские. Страшным было то сражение. Много русских воинов не вернулось

домой. Среди павших на поле брани были и иноки обители Троицкой — преподобные Александр Пересвет и Андрей Ослябя. Сам князь Димитрий, переодевшись простым солдатом, сражался в первых рядах войска своего. Еле отыскали потом его, всего израненного.

Семь дней хоронили погибших уцелевшие русские воины. Но не посрамила христианские упования Пресвятая

Богородица. Даровала русскому воинству победу великую, что навсегда вошла в историю Отечества.

8 октября (25 сентября по старому стилю) у Фроловских (Спасских) врат Кремля встречала Евдокия князя Дмитрия, тут же прозванного народом в честь победы Донским. Вновь плакала она, но то были уже слёзы радости.

А земля Русская ликовала несколько дней: окончилось иго басурманское!

НАШЕСТВИЕ ТОХТАМЫША

Однако не пришло ещё время освободиться Руси от владычества монголо-татар. Не простила Орда князю Дмитрию своё позорное поражение. Не желала терять своей власти над русскими землями.

Через два года новый хан Золотой Орды — Тохтамыш, горя жаждой мести, опять повёл полки свои несметные на землю Русскую.

А Москву защищать некому — все защитники на поле Куликовом во сырой земле лежат. Нужно срочно новое войско собирать, нужно князю Дмитрию ехать в Переславль и Кострому, оставив в стольном граде жену и детей.

— Не тревожься о нас, сокол мой ненаглядный! — говорила ему Евдокия перед новой разлукою. — С нами Бог молитвами игумена Сергия да отца нашего, митрополита Киприана!